

ЮБИЛЕИ

Интервью назначено за пару дней до юбилея. В кабинете Галины Павловны, что на Остоженке, витает аромат благоухающих цветов: розы, лилии, хризантемы, герберы... Она не верит в приметы и принимает поздравления еще до самого юбилея. К черту предрассудки! Жизнь достаточно била, ломала, скручивала. Но она всегда с прямой спиной. Как и в этот раз.

Я вручила ей алые розы. Ее улыбку в этот момент я хорошо запомнила — во время интервью это случилось нечасто...

— Галина Павловна, в эти дни проходит международный конкурс оперных исполнителей Вишневецкой. Вы его задумали в пику другим?

— Как это в пику? А разве у нас проходят еще какие-то конкурсы?

— В Большом, например.

Я опоздала к ней на шесть минут! Катастрофа! Вот за такие проступки она отчисляет студентов из своей школы. “Должна быть дисциплина. Железная”, — говорит она. И так всю жизнь. Сегодня Галина Вишневецкая отмечает юбилей. В этот день мы осмелились приблизиться к ней, хотя бы на самую малость. И попросить мастер-класс. Не вокальный, конечно, — по жизни. Разумеется, если это позволит сделать сама Галина Павловна...

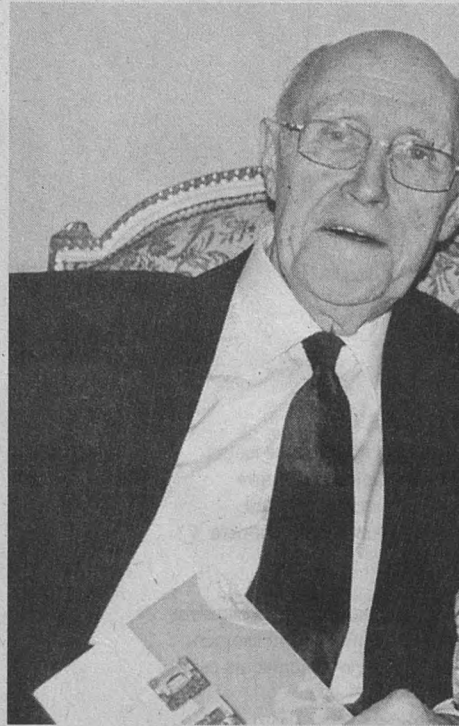
“С Солженицыным почти не общаюсь”

— Распределите по степени важности такие понятия, как “любовь”, “дружба”, “профессия”, “карьера”, “семья”, “деньги”.

— Семья и карьера обязательно связаны, это нужно сочетать. Сложно, но куда вы денетесь? Не будете сочетать, значит, все разрушите. Надо быть умнее, держать себя в руках — другого рецепта нет.

— Вы часто говорите, что у вас много завистников...

— И от них нужно уметь защищаться. Вот, например, если вас пригласили на вечеринку, нужно узнать, что за компания там соберется. И по возможности одеться

— Разве? Большой театр устраивает конкурс? По-моему, нет.

— Понятно, Галина Павловна. Можете назвать молодых, ярких оперных певцов?

— В Большом театре таких не знаю. Может, я недостаточно хорошо знакома с труппой. А за границей... Настоящих, какие были в мое время, нет. Ни в России, ни за границей.

— А как же Басков?

— Я знала, что вы про него спросите. Я не видела его концертов. Знаю, что он эстрадный певец и талантлив для эстрады, может быть, даже для оперетты. Но, конечно, он не тенор для оперы.

“Ради бога, не смейте реветь!”

— Вы всегда такая жесткая?

— Нет, не жесткая, скорее требовательная. Я просто очень громко говорю. Например, во время мастер-классов. Я делаю замечания студентам во время их пения. Просто не хочу останавливать их, время только даром терять. И получается, что кричу, чтобы он услышал. Кто меня плохо знает, пугается сразу. Девочки особенно. Некоторые даже плакать начинают. А я им говорю: не смейте реветь, ради бога!

— А у вас часто бывают глаза на мокром месте?

— А что ж я, железная, что ли? Я человек, я женщина со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Когда последний раз плакали?

— Последний раз... последний раз... Когда ж я плакала? Это было связано с искусством...

— А с домашними? С Ростроповичем, например?

— Ой, вот таких ссор я стараюсь избегать. У меня есть возможность уйти в другую комнату и закрыть за собой дверь. Переждать. Такое мудрое решение всех споров пришло с возрастом. В молодости оба стараются доказать свою правоту.

Я всем женщинам советую не переделывать мужа. Не стараться перевоспитать. Ничего не выйдет. Никогда! Вот какой есть — такой есть. Жила с ним и дальше живи. Терпела, соглашалась с его недостатками, знала, за кого шла... Соображайте теперь!

А если хочешь, чтобы муж добился большего в профессиональном смысле, его надо подталкивать. Но это очень тонкая вещь...

— И как же действовать?

— Знаете, с годами я пришла к такой мысли: живи своими мыслями и чужими чувствами. То есть поставь себя на его место. И сразу поймешь, что нужно ему говорить, а что нет. Вот так же и насчет профессионального роста мужа...

— Да-да, интересно: стал бы Ростропович гением, если бы рядом не было Вишневецкой?

— Он гениальный музыкант. Была бы я с ним или нет — он состоялся бы в любом случае. Но я здесь! Хотите вы того или нет, я все равно с ним. Мы 51 год вместе живем, у нас двое детей, шестеро внуков. И вот что я вам скажу: между нами всегда было, если так можно выразиться, взаимное обогащение.

— Сложно представить, что вы можете терпеть критику, даже от собственного мужа.

— Конечно, это не очень-то приятно. Совет тот, кто скажет: “Мне приятно, когда меня критикуют”. Всем больно и обидно. И мне тоже. Но когда слышишь ее от такого великого музыканта, как Ростропович, надо очень хорошо это слушать. Забыть про свои нервы, спрятать в карман самолюбие.

— А на приятные слова Мстислав Леопольдович не скупится?

— Конечно. А как же!

— И что говорит?

— Что говорит? Что я красивая.

— Каждый день?

— Говорит, говорит...

— Как он вас ласково называет?

— Лягушкой. Видите, на рояле у меня много сувениров, лягушек. Вот он меня так ласково и называет — лягушкой!

— А вы что в ответ?

— А я ему говорю, что он Буратино. А что еще сказать мужчине? Но вы не подумайте, у меня чудесный муж, я очень его люблю в самом деле. Он верный человек, не предаст. Это самое главное, что должно быть в мужчине.

“Одежду могу купить и на базаре”

— Я читала, Ростропович когда-то сказал: моя жена должна выглядеть как царица. Соответствуете?

— Старалась. Как? Одежду покупаю где придется. Скажу вам, что никогда не была привязана к определенному дизайнеру. Нет, я это не люблю. Вот иду, гуляю по бульвару... И обязательно смотрю на витрины. Мне понравилась вещь, я приду домой, подумаю о ней. На следующий день снова подойду к витрине, посмотрю. Но главное: пока не решу, что мне эта одежда точно нужна, не захожу в магазин. Там же эти продавщицы сразу пристают: мадам, мадам... Нет, этого не люблю — ужас какой!

С Наиной Ельциной.

С Юрием Башметом.

Галина ВИШНЕВСКАЯ: “Вижу человека насквозь!”

Я очень тяжело расстаюсь с вещами. Но на этикетки внимания не обращаю. Могу даже на базаре купить. Главное, чтобы цвет понравился.

— Какие ваши цвета?

— Когда-то зеленый. Сейчас нет, надоел. Люблю черный, красный, белый. Вот такие.

— А драгоценности?

— Вот украшения люблю. И не стесняюсь носить фальшивые. Есть совершенно замечательная бижутерия, которую ношу с удовольствием. Ну а если говорить о камнях... Конечно, бриллианты. И очень изумруды люблю.

— Муж дарит?

— Он, конечно, дарит. Но такие вещи, которые я отношу на хранение в банковский сейф и больше не вижу. Так они там и лежат...

— Галина Павловна, вижу, у вас идеальная прическа и макияж...

— Все сама. А как же?! Кто же будет этим заниматься? Камеристку мне держать, что ли? Нет, всю жизнь на гастролях, на колесах. Приезжаешь в незнакомый город, вечером концерт — в какую парикмахерскую идти? Да там так накрутят, что потом голову под струю воды и сама все переделывать.

Иду к парикмахеру только стрижку сделать, а укладываю волосы сама.

— А как насчет пластической хирургии?

— Не признаю этого. Даже маски никогда не делала. Вот скажу: у меня довольно сухая кожа, и на ночь я должна нанести на лицо жирный крем. А утром ничего: сполоснула водой, высушила, нанесла пудру. И все — больше ничего не делаю!

Да я и спортом никогда не занималась. Надо только себя в еде ограничивать. Вот когда я пела, весила 60 кг и не больше! А когда оставила сцену — немножко пополнила. Но и сейчас стараюсь ограничить себя в еде. Полнота — это ужасно, она всегда женщину уродует и старит!

скромнее, чтобы тем самым расположить к себе женщин...

Но обезопаситься от зависти в профессии, в театре невозможно. Если ты спела хорошо, что уж тут подделаешь? Но меня всегда уважали в театре. Я занимала определенное положение и старалась говорить то, что думаю. Правда, очень осторожно, нужно щадить самолюбие артистов! Мы все очень ранимые.

— Что насчет дружбы?

— У меня много знакомых. Но мои самые близкие подруги — дочери. Это подруги, которым я могу рассказать даже самое сокровенное. Не боясь, что они воспользуются моим расположением и предадут. Как бывало не раз в моей жизни.

— Когда-то вы пострадали из-за Солженицына. Имею в виду тот случай, когда вы приютили опального писателя у себя на даче и после этого вас вынудили покинуть СССР. А сегодня с Александром Исавичем часто общаетесь?

— Очень редко. Он затворником живет. И это суть его характера. Он не из тех, кто придет в гости поболтать или просто за столом посидеть. Это совершенно другой человек.

— Судя по вашей книжке “Галина”, вы по жизни борец. Откуда силы?

— Вы хотите, чтобы я сказала: ем много мяса и витамины пью? Такого нет. Если я уверена, что права, то я буду этого добиваться. Именно убежденность в своей правоте и дает мне силы.

Бороться меня заставила сама жизнь. А может, это заложено на генетическом уровне — не сдаваться ни при каких обстоятельствах.

— Чувствуете себя победительницей?

— Я счастливый человек. В творческом плане мое самое счастливое время пришлось на работу в Большом театре. Это безусловно. Даже несмотря на то, что мой отъезд из СССР, в частности, состоялся и из-за артистов Большого. Но те учителя, режиссеры и дирижеры, которых я встретила в этом театре, — и есть счастье.

— А в личной жизни?

— А личное? Это мои дети, мой муж, моя семья... Вот на юбилей в Москву приедут дочки с внуками.

— Вы знаете уже, что вам подарят?

— Не знаю. Вот своим внукам я уже перестала дарить свитера, кашемир. А может, им это и не нужно. Верно же? Поэтому я им деньги даю, говорю: купи себе что хочешь. Так лучше всего. Он в самом деле купит то, что ему надо.

— И сколько?

— Когда как: 200—300, что-то в этом роде.

— Долларов?

— Да-да...

— В вашей книжке “Галина” вы написали, что ваша мать была цыганкой. А вы умеете гадать?

— Гадать я могу, но никогда этого не делаю.

— И себе тоже?

— Нет, не надо. Но человека вижу насквозь...

— А что вы про меня можете сказать?

— Зачем? Этого не нужно... Но я мгновенно определяю: можно доверять или нельзя. И особенно важно первое впечатление. Вот я когда только знакомлюсь с человеком, должна этот самый первый момент схватить, зафиксировать. Я просто убеждена, что именно первое впечатление совсем не обманчиво! А ты?... Ну что, хорошая девочка. И в награду за это я тебе вот что сделаю...

Галина Павловна встает с дивана и подходит к музыкальному центру. Долго нажимает на кнопки, ищет что-то... И вдруг... Зазвучал елочный — отрывок из легендарной в ее исполнении партии “Мадам Баттерфляй”. Она села напротив меня, и мы прослушали отрывки и из других ее партий.

— Да, — подытожила Галина Павловна.

— Таких оркестров нынче нет. Но и Галины Павловны на сцене больше нет! — И улыбнулась как-то совсем молодо и даже по-хулигански...

Оксана ХИМИЧ.

С Ваном Клиберном.